

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Конституция страны социализма

Два года тому назад Чрезвычайный VIII Всесоюзный Съезд Советов принял по докладу товарища Сталина новую Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Весь наш народ участвовал в создании нового Основного Закона страны социализма. Весь наш народ назвал его по праву Сталинской Конституцией.

Последовательным и развернутым правилом социалистической демократии проникнула в нашу Советскую Конституцию. Нет в ней никаких ограничений, ни социальных, ни расовых или национальных, ни возрастных, ни образовательных... Всеобщее и равное избирательное право — то, о чем мечтали передовые люди всех времен, — стало живой и опущимой реальностью лишь в наши дни. Принятие Сталинской Конституции еще больше сплотило советский народ вокруг большевистской партии, вокруг дела, которому отданы все наши силы, — строительства коммунистического общества.

Сталинская Конституция — Основной Закон общества, уже построившего в основном социализм. Сталинская Конституция закрепила в законодательном порядке завоеванное нашим народом. В СССР раз и навсегда ликвидированы противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигентами, грани между ними все больше и больше падают, срастаются.

В огне Октябрьской революции, в строительном пафосе патриотов родился и выковался новый рабочий класс. Это уже не пролетариат, лишенный средств производства и располагающий только своими руками как товаром, который он проает капиталисту. Нет, это колективный, холдинг большой и могучей страны, где все принадлежит ему, где все — творение его рук.

Въется
улица-земя,
дома
водя земи.
Улица —
моя,
дома —
мои.

— писал в своей замечательной поэме «Хоровод» Владимир Маяковский.

Крестьянин СССР — это не «мужичок», копающийся на своем крохотном участке земли и обрабатывавший ее сохой или мотыгой, неграмотный, темный, не видящий света больше, чем в своем окочке. Нет, это сознательный участник строительства новой жизни, передающий в коллективе не только форму своего труда, но и свою психику. И наконец, изменилась, стала иной интеллигенция.

Всякие разговоры о свободе интеллигента, о его независимости в капиталистическом обществе были ложью или пресловутой попыткой уйти от жестокой правды. «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки боязней», — писал Ленин, — не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободы ли вы от вашего буржуазного изолятора, господина писателя? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «люстрирования» в «святом» сценическом искусству?.. Свобода буржуазного писателя, художника, актера есть лишь замаскированная (или а-

В результате прошедшего пути борьбы и мучений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Понятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Понятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты.

И. Сталин.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Великий автор Иосиф Сталин

Мы, советские авторы, люди тридцатых годов двадцатого века, являемся современниками и свидетелями выхода небольшой книги, которая оказалась и еще будет оказывать огромнейшее воздействие на умственную, на социальную, на политическую жизнь народов всего мира.

Эта книга переведена на все человеческие языки, имеющие письменность: переведена не только языками и средствами коммунистов; ее выпустили, отвечая огромному, стихийному спросу читателей, все издательства, заинтересованные в удовлетворении этого спроса.

Книгу встретили буквально везде, где только фашистская цензура не наложила запрет на печать.

Книга выставлена в витринах солидных книжных магазинов политко-экономической литературы.

И также в магазинах юридических книг. И также в обычных литературных книжных магазинах, где нет книг по специальным вопросам.

И также на тележках бродячих книгоиздателей, что медленно бродят по рабочим кварталам, по предметам больших городов западных столиц, по деревням, по длинным дорогам, где роскошные лимузины обгоняют усталых нищих пешеходов.

Эту книжку не предлагают. Ее спрашивают, она стала первой необходимостью для любого человека, который хочет оглянуться на мир, разобраться в том, что его окружает. Без нее нельзя представить в любой стране, ни огромной публичной библиотеки с пятью миллионами томов, ни маленькой полки с двадцати томов изображенных величайших классиков человеческой мысли.

Юноша, начинающий жить и думать, старик-ученик с сформировавшимися научным мироощущением, рабочий, дерзнувший первый раз поспорить с хозяином, — все одинаково внимательно слушаются над страницами книги, находят в ней просветителя, законодателя, воина, всесильного друга.

А там, где книжка не может показаться на виду без того, чтобы не погубить ее обладателя, там, в странах тюрьмах, в странах-кладбищах, эта книжка неслыханно пролежит на гробах, в коротких карманных изданиях, в рукописных копиях, склонится из рук в руки, ее прочитывают при свете карманных фонариков, накрывшись в постели одеялом, ее обсуждают шепотом, оглядываясь на дверь. Но обсуждают...

Все это прекрасно. Но выполнили ли мы, советские авторы, литературную советскую интеллигентию эпохи издания Сталинской Конституции свой долг перед рабочими, перед народом и партией, перед великими вождями и автором Конституции?

Пусть каждый спросит себя — что сделал он в годы создания и введения в действие нового Основного Закона нашей страны. Как помог он развитию и укреплению интеллигентства. Демократизм, которым проникнута вся жизнь нашей страны, открывает огромные горизонты перед советской социалистической литературой, как литературой народной, демократической. Большое счастье писать для народа, ибо такое вообще литература, как не отражение духа народа в художественных образах?

Дух советского народа заключается в социалистическом демократизме, в его любви к осмысленному и рабочему труду, в его ненависти к врагам всего первого и прогрессивного человечества. Дух нашего народа заключается в его великим стремлении достичь идеального устройства человеческого общества, каким является коммунизм.

И литература, которая отвечает духу народа, это литература коммунистическая по своим идеям и устремлениям. Это самая передовая литература в мире, ибо коммунизм — самая передовая наука в мире. Ни в одной стране мира писатели не дано права проповедовать передовые идеи века. Тюрьмы и концлагеря, голод и нищета — пот плата за каждый печатный лист настоящей, правдивой книги. Только писатель в СССР имеет право и возможность быть передовым человеком, свободно выражаяющим дух народа. Эти условия обеспечили ему народ, который покровительствует горстке боев, — писал Ленин, — не может быть «свободы» реальной и действительной.

Свободы ли вы от вашего буржуазного изолятора, господина писателя? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «люстрирования» в «святом» сценическом искусству?.. Свобода буржуазного писателя, художника, актера есть лишь замаскированная (или а-

Народно-поэтическое творчество

1 декабря под председательством А. Н. Толстого состоялось заседание инициативной группы по изданию сборника лучших произведений русского народно-поэтического творчества. Проект сборника, как известно читателям «Литературной газеты» (см. № 65), был недавно рассмотрен и одобрен Президиумом СССР.

На заседании присутствовали писатели А. И. Толстой, К. И. Чуковский, Фольклористы: проф. Ю. М. Соколов, проф. М. К. Азадовский, проф. Н. И. Андреев, проф. М. А. Рыбников, Е. В. Гиппиус, Д. И. Лебедевский, Е. В. Гофман, В. И. Чичеров.

Был обсужден конкретный план издания. Предположено выпустить в течение нескольких ближайших лет 29 томов русских народных сказок, легенд, преданий,

сказов, былин, исторических песен, пословиц, загадок, притчаний, песен, частушек.

На совещании подробно обсуждались принципы отбора художественного материала и его подготовки к печати.

На совещании был поднят вопрос о настойчивой необходимости обединить по всему Советскому Союзу работу по собиранию и изучению произведений народного поэтического творчества.

Все эти задачи, стоящие перед научной и писательской общественностью, решены сделать предметом обсуждения на съезде союзов советских писателей Фольклорной конференции. Конференция намечена на 23 и 24 декабря в Москве, в помещении СССР.

Искусство в 1939 году

На днях на президиуме ЦК союза работников искусств обсуждались контрольные цифры по искусству на 1939 г., разработанные Всесоюзным комитетом по делам искусств.

В будущем году предполагается только по РСФСР и Украинской ССР открыть свыше 80 новых театров — в Ленинграде, Смоленске, Харькове, Бирюзе, Новосибирске, Ворошиловграде, Сталинграде, Кременчуге и других городах республик Союза. В Москве будет восстановлен сгоревший Центральный детский театр. 464 театра РСФСР намечают на будущий год около 5.000 новых постановок.

В 1939 году в Москве будут проводены декады армянского искусства, смотр колхозных театров, хоровая олимпиада, два конкурса — эстрады и исполнителей на художественных инструментах. Откроются художественные выставки: «Военное прошлое русского народа», выставка Рубенса, советской исторической живописи, армянского изобразительного искусства, выставка картин «Знатные люди страны». Уже подготовлена выставка проектов памятников Гоголю и Гоголю. В конце 1939 года будет создан I всесоюзный съезд советских художников.

На днях начнет свою работу Всесоюзное концептуальное гастрольное единение, которое должно пройти за год 25.000 концертов. Около 100 музыкальных коллективов будут работать в РСФСР. Станицы и деревни и переселенные племена дают в новом году свыше 25 тысяч спектаклей. В Москве начнется строительство Всесоюзной академии художеств.

Пьеса Левона Манвеляна

ЕРЕВАН. (Наш корр.). На днях в союзе советских писателей Армении состоялся читка пьесы Левона Манвеляна «Сынница Давида». Эта пьеса написана автором (ныне умершим) еще в 1903 году.

После чтения пьесы в прессе выступили писатели Ст. Зорян, Н. Зарьян, Г. Сарьян. Дав положительную оценку пьесе, писатели отметили, что, несмотря на то, что написана пьеса очень давно, она и сейчас не потеряла своей художественной ценности. Образ Давида обрисован правильно и тепло.

■ ■ ■

Собрание решило обратиться через союз писателей в Управление по делам искусств при СНК Армянской ССР, а также в областной комитет Армении по проведению 1000-летия народного эпоса и реконструировать пьесу Л. Манвеляна для отдельного издания и для постановок.

Давид в пьесе Л. Манвеляна такой же герой, храбрый и безупречно честный человек, каким он изображен в народном эпосе. Собрание решило обратиться через союз писателей в Управление по делам искусств при СНК Армянской ССР, а также в областной комитет Армении по проведению 1000-летия народного эпоса и реконструировать пьесу Л. Манвеляна для отдельного издания и для постановок.

■ ■ ■

Вручение ордена Ленина народному певцу Казахстана Джамбулу

Днем 2 декабря в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил орден Ленина народному певцу Казахстана Джамбулу. На снимке: М. И. Калинин вручает Джамбулу с высокой наградой.

Тов. М. И. Калинин тепло поздравил артиста и пожелал ему здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности на благо советского народа. Радостно взволнованный Джамбул горячо благодарил партию и правительство за высокую награду. (ТАСС).

Книги — Красной Армии

Редакция «Литературной газеты» и Воениздатом 2 декабря в клубе писателей состоялась встреча работников Военного издательства с писателями, посвятившими изданию «Библиотеки красноармейца».

Совещание открыто начальником Воениздата генералом т. Финкельштейном.

— Участие в создании «Библиотеки красноармейца», — говорит т. Финкельштейн, — для каждого писателя. Портфель издательства сейчас должен бытьполнен рядом новых произведений советских писателей, написанных специально для Красной Армии. В течение 1939 года в «Библиотеке красноармейца» выйдет около ста книг, которые будут изданы большими тиражами.

— Я обязуюсь, — говорит Вс. Вишневский, — в непролongий срок спечь книгу о славном комиссаре Анатолии Железнякове, а затем приступить к работе над книгой о великом полководце Сергеем Ефимовичем.

В. Финк также взял на себя обязательство написать для Воениздата несколько брошюр по теме коммунистической партии, в том числе третью коммунистическую строит новую мир и чи победы записаны золотыми словами в величайшем документе истории Сталинской Конституции.

Тов. Б. Горбатов указал, что в плане Воениздата мало тем о современной жизни красноармейца.

Тов. Войтинская говорила о большом по-

литическом значении выпуска «Библиотеки красноармейца». Маленькая портативная книжка этой серии должна стать постоянной спутницей красноармейца в походе, на прополе, в лагере. Серия должна состоять из высокого художественных произведений.

— Надо в союзе организовать, — говорит т. Аргутинская, — секцию оборонной литературы, надо организовать для писателей курсы военных корреспондентов и очерклистов.

Работники Воениздата тт. Подорожный и Большаков заверили писателей, что их творческая работа над оборонными произведениями будет окружена вниманием всей красноармейской общественности.

Нам нужна крепкая неразрывная связь

с союзом писателей, — говорит в заключение т. Финкельштейн, — так как мы спаяны одним общим большим делом — созданием оборонной литературы, созданием для нашей непобедимой Красной Армии.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил орден Ленина народному певцу Казахстана Джамбулу. На снимке: М. И. Калинин вручает Джамбулу с высокой наградой.

■ ■ ■

Вручение ордена Ленина народному певцу Казахстана Джамбулу

Днем 2 декабря в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И. Калинин вручил орден Ленина народному певцу Казахстана Джамбулу. На снимке: М. И. Калинин вручает Джамбулу с высокой наградой.

Тов. М. И. Калинин тепло поздравил артиста и пожелал ему здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности на благо советского народа. Радостно взволнованный Джамбул горячо благодарил партию и правительство за высокую награду. (ТАСС).

Писатель — борец за дело народа

Поэт Вильям Шекспир тульи однажды вдал бега Тэмз, отдавшись порыву вдохновения, казавшегося ему несравненно прекрасным. Стихи приходили ему из ума из такой стремительной силой, что он едва успевал запоминать их. Вдруг из него донесся отчаянный крик: он увидел тонущего ребенка. Он спас ребенка, но стихи ускользнули от него безвозвратно. Поэтому придал этому значения. Это было приключение, и вечером в таверне Мернейд он не без удовольствия рассказывал о нем своим друзьям.

В дальнейшем, однако, выяснилось, что очень много детей погибли в Тэмзе. Поэтому пришлося уединиться, что он не может совершить любимую прогулку без того, чтобы не спасти с подожжением детей. Не могло быть и речи о встрече с музами в любом месте. Пост спал гулять в лесу, но здесь он обнаружил, что детей либо придавливают падающие деревья, либо погибают волки, либо же погибают в камнях. Короче, мир полон трагедий, и Вильям Шекспир задумал, какой путь ему избрать — стать поэтом или преобразователем мира.

Вы, конечно, понимаете, что эта аллегория относится к современному художнику. В ясное утро я сижу в кабинке на террасной террасе, знаю, что десятки тысяч испанских юношей лежат в эти времена в окопах под открытым небом, а германские и итальянские самолеты бомбят их, разбросывают на куски. Я знаю, что рядом с ними находятся несколько сот молодых американцев, моих молодых товарищ, и что многие из них вспомнили поэмы добровольцев на эту германскую войну. Я знаю, что в Китае еще большее число юношей встречают лицом бомбы, артиллерийские снаряды и пулеметный огонь, но говорю о смерти от наводнений, эпидемий, голода; и среди них тоже много студентов, молодых социалистов и писателей справедливости, которые, прочитав книгу первоначала моих книг, избрали путь страдания и смерти.

Так, каждое утро приходится мне решать, ком я буду сегодня — поэтом или преобразователем мира. Напишу ли я привык к действию, который хоть немногим сможет изменить взгляды американцев и поможет правительству испанского народа добиться элементарного права приобретать оружие для самообороны? Помогут ли я, по мере моих сил, стремления отграничить право американских горожан от смерти солдатствованием гибели китайского народа поставками оружия для японских милитаристов... Или, напротив, храня пушечную безмятежность, я попытаюсь добавить один-два кирпичика к зданию, у которого есть отдаленная надежда вызвать восхищение гипотетического императора, спасенного от фашизма и варварства и способного соединить чистоту, благородные и долговечные произведения искусства.

В наше время борьба ведется не только в окопах Испании и Китая, не только в душах будущих художников; сегодня сгущается во всей интеллектуальной жизни. Юноши или девушки, чувствующие привлечение к созданию художественного произведения и ставящие эту задачу выше участия в себе подобных, убеждаются, что все выразительные средства искусства находятся под контролем старших, которые обладают престижем и властью. Молодой художник, как правило, не понимает политики и экономики мира, в котором он живет, не знает, каким путем эти авторитетные критики добились своего положения. Их высокомерие производит на него сильное впечатление, и как бы ни была сильна в нем тяга к творчеству, он готов склониться перед их авторитетом. Если они скажут, что его произведение не выше среднего, он может отказаться от дальнейшей борьбы за завоевание признания в избранный им обществе.

Тот, кто пожелает поближе познакомиться с миром критиков и покровителей искусств, найдет, что в каждой области, за м-

Письмо из США

Любимые члены, мне устанавливаются облеченные властью привилегии о ван и мы делаем, которые забываются лишь о том, как извлекать из искусства деньги. Мне безразлично, идет ли речь о газете, зависящей от рекламного отдела универсального магазина и автомобильных фабрикантов, или о субсидируемом театре, управляемом политиками, которые служат интересам имущих классов; сегодня всюду в этом мире капитализм правит искусством и обрабатывает художественный вкус в интересах сохранения нынешних норм и установленных привилегий. Только гигант может пробиться через барьера, ограждающие эти нормы и привилегии, и в этой борьбе него столько же шансов на победу, сколько и на поражение.

В литературном боянега сегодняшнего дня сторонники привилегий капитала, хладнокровно искажая высокий смысл слова «публицистика», охотно призывают его к репутации молодого писателя. Они ловко оперируют этим словом, противопоставляя его попыткам «художественности» производства.

И каждый молодой писатель и мыслитель должен сегодня прежде всего четко уяснить себе значение этого слова и понять, как его используют в нас защищенные привилегии капитала.

Борясь в течение сорока лет с этими привилегиями, я служил мишенью для их словесной бомбы так часто, насколько это возможно в жизни одного человека. Поэтому я хочу поделиться с вами впечатлениями. Не только на собственном опыте, но и на опыте всех моих коллег и товарищей я убедился, что дело не в том, насколько глубоко вы изучили великих мастеров; дело не в том, насколько хорошо вы можете писать; дело не в том, насколько искренне выхвачиваемые вами охвачены; дело не в затрагиваемых вами вопросах, касающихся истории, чувства или мысли; кем бы вы ни были и что вы ни писали, будьте вы Золя, Гога, Толстого или Шекспира, с вашими личными достоинствами не посчитаются, если вы угрожаете привилегиям капитала, — вы публикуются, не художники. Пусть ваши произведения читают на всем земном шаре, пусть они вдохновляют миллионы людей; — вас будут называть журналистом и памфлетистом, и никакими силами вы не заставите признать в вас художника.

Никто не может отрицать того факта, что куда бы вы ни поехали, в любом уголке земли вы встретите людей, которые обсуждают вопрос: фашизм и национализм против демократии и социализма. Банкиры и бизнесмены рассуждают об этом, сидя в мягких кожаных креслах своих клубов; работы — на заводах, в шахтах, в трюмах пароходов. Каждого волнуют эти вопросы, каждый говорит о них с жаждой любопытства. Вы можете послушать, что говорят эти люди, и понять их характеры; вы можете изобразить их с верностью Де-Фо или с помощью титанического воображения Бальзака; вы можете ввести их в реалии и ставшие эту задачу выше участия в себе подобных, убеждаются, что все выразительные средства искусства находятся под контролем старших, которые обладают престижем и властью. Молодой художник, как правило, не понимает политики и экономики мира, в котором он живет, не знает, каким путем эти авторитетные критики добились своего положения. Их высокомерие производит на него сильное впечатление, и как бы ни была сильна в нем тяга к творчеству, он готов склониться перед их авторитетом. Если они скажут, что его произведение не выше среднего, он может отказаться от дальнейшей борьбы за завоевание признания в избранный им обществе.

Пасадена, Калифорния.

Я хочу сказать молодому художнику, что все это составляет часть общей борьбы, и он так должен это воспринимать. Быть может, эта борьба доставит вам не больше удовольствия, чем автобомбы Юноши в окопах Испании и Китая, но зато вы знаете вашего врага — кто он, что он и почему. Ступайте, изучайте искусство войны; научитесь уметь стрелять, глубже рвать окопы, учитесь жить без роскоши и даже без комфорта и, главное, научитесь крепко неподвижно держать привилегии, который дает владение миром небольшому правящему классу и ввергает неимущие массы нищету и рабство. Короче, создавайте более высокие, более чистые произведения искусства, отставайте их и боритесь за них и попытайтесь не умереть раньше, чем изменился мир.

И. АНИСИМОВ

Господин Гесслинг

Навалуне мировой войны Генрих Манн закончил «Верноподданного» — первую часть трилогии «Империя», в которой он изобразил крах вильгельмовской Германии. Этот замечательный роман выходит у нас массовым тиражом, и в связи с этим хотелось бы поделиться с читателями некоторыми мыслями о значении и алобиенности этой блестящей сатиры Генриха Манна.

Вильгельмовская цивилизация, помимо, не пропустила романа; он ушел свет только после ноябрьской революции. Теперь «Верноподданного» снова затрачен Гитлер берется этой книги, ибо события, описанные в ней, слишком напоминают всю мерзость жизни современной Германии.

На многих примерах Манн показывает лживость, пинизм и лицемерие вильгельмовского режима, страсть к хвастовству и чисто показным внешним, эффектам.

Вильгельмовская козырьем политиков вильгельмовской Германии. От кайзера, которого уже тогда называли «коронованным дураком», до последнего захолустного чиновника, стремившегося походить на своего

представителем «целого». В школе, этом «презиро-

вании»

Особенно характерна центральная фигура романа — Дидрих Гесслинг. Подобно тому, как маленький провинциальный горничный Нептун, где, главным образом, проходит действие романа, отражает всю вильгельмовскую Германию, так и Дидрих Гесслинг является типичным представителем «целого». В школе, этом «презиро-

вании»

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, живично, убедительно.

Дидрих Гесслинг недавно писал, что в трилогии «Империя» «отдельные судьбы служат изображением всего целого, государства, классов». Манн стремился охватить «целое», представить типическое, и это ему вполне удалось. Но и «отдельные судьбы» показаны им необычайно реально, жив

Завоевания социализма

Кто из нас, советских людей, не залегался о дальнейших путях развития нашего общества? О формах коммунистического общества?

Слышно было бы думать, что высшая фаза коммунизма наступит сразу, будет обявлено декретом от такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года. Нет, переход к высшей фазе коммунизма — это процесс, происходящий на наших глазах. И когда мы, люди тридцатых годов XX столетия, пытались представить себе основные черты развития нашего общества, мы прежде всего и раньше всего должны представить себе черты, характеризующие переход от низшей к высшей фазе коммунизма.

В 1927 году, в беседе с первой американской рабочей делегацией товариши Сталину был задан вопрос: «Можете ли вы вкратце дать нам характеристику будущего общества, которое коммунизм пытаются создать?»

«Общая характеристика коммунистического общества, — ответил товарищ Сталин, — дана в трудах Маркса, Энгельса и Ленина. Если дать вкратце анатомию коммунистического общества, то это будет такое общество: а) где не будет частной собственности на орудиях производства, будет собственность общественная, колективная; б) где не будет классов и государственной власти, а будут труженики индустрии и сельского хозяйства, экономически управляемые, как свободная ассоциация трудающих; в) где народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на высшей технике, как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства; г) где не будет противоположности между городом и деревней.

В беседе с первой американской рабочей делегацией товариши Сталину говорил, что в коммунистическом обществе будет осуществлен принцип от каждого по способностям — каждому по потребностям. Мы еще этого не достигли. У нас осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм. Основным принципом социализма является закон — от каждого по его способностям — каждому по его труду. Осуществление закона — от каждого по его способностям — каждому по его труду — создает все условия для подъема производительности труда для роста социалистических форм труда. Труд перестал быть частным делом, он стал общественной обязанностью. Работа превратилась в творчество. Наша конституция отразила этот факт всемирно-исторического значения. Превращение работы в творчество и в общественном обиходе — необходимое условие для перехода к высшей фазе коммунизма. Отсутствие невозможных при социалистической системе кризисов, гигантский подъем производительности труда и как следствие этого, рост социалистического изобилия в нашей стране обеспечивает нам проведение основного принципа высшей фазы коммунизма. В эпоху первой фазы коммунизма, в эпоху создания социальных преподынок для осуществления принципа второй фазы коммунизма, — от каждого по его способностям — каждому по его потребностям».

Товариши Сталины начертали программу действий, программу борьбы, показали идеалы, за которые борются трудающиеся под руководством коммунистической партии. Прошло девять лет, и в 1936 году товариши Сталины вложили в проекте Конституции нарисовал замечательную картина наших завоеваний.

Великая Октябрьская социалистическая революция перекинула орудия производства в руки государства, уничтожила частную собственность на средства производства.

Диктатура пролетариата создала материальную базу для социализма, уничтожила возможность возникновения эксплуататорских классов, возможность эксплуатации человека человеком. Социалистическая промышленность и социалистическое сельское хозяйство базируются на новой, совершенной технике, созданной в условиях диктатуры пролетариата.

Так осуществлялось благодати правильной политики нашей партии, благодаря гениальному руководству товарища Сталина, указанию Ленина в его книге «Государство и революция» об условиях создания социалистического общества.

«Наше советское общество побилось того, что оно уже осуществляло в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что в марксистах называется наилучшей из низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлено в основном первая фаза коммунизма, социализм (Сталин).»

В беседе с первой американской рабочей делегацией товариши Сталины говорили, что в коммунистическом обществе не будет классов. Сталинская Конституция замечательным порывом закрепила ликвидацию эксплуататорских классов в нашей стране. Наша новая Конституция исходит из того факта, что изменилась классовая структура в СССР. По своему отношению к средствам производства, по своему положению в обществе, рабочий класс и крестьянство принципиально отличны от рабочего класса и крестьянства в условиях эксплуататорского общества.

В советской стране уничтожены все условия производства, которые порождают пролетариат. Пролетариат в СССР превратился в рабочий класс СССР, утверждавший социалистическую собственность на орудия и средства производства.

ВИКТОРИН ПОПОВ

ЗАМЕТКИ О НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

I.

Русский народ — поэтический народ, народная поэзия и сказка были открытым народным духом.

Народная поэзия была протестующей, обличающей, потому что она и жила в рабстве. Но чем более жестоко «правители» угнетали народную поэзию, тем любовнее пестовал ее сам народ. Она жила в народе как истинное выражение его национального и социального существа.

Исторически осознанные свое прошлое, советский народ извлекает из забвения геронические картины борьбы за свою самостоятельность, любовно собирает предания, старины, чтобы из поэтических образов народной мысли и чувств восстановить свою славную биографию.

Поэтому в наше время и «воскресли из мертвых» и киргизский Манас, и казахский Джангар, и «Слово о полку Игореве». Народный эпос возвращен народу.

Ал. Толстой поднял сейчас вопрос о фундаментальном извлечении всего русского народного творчества в его лучших образах. Изложение это рассчитано на несколько лекций обширных томов. К работе по извлечению русского фольклора союз писателей предполагает привлечь около ста человек — писателей, поэтов, фольклористов, эзотериков.

Народная поэзия прошла через века, подверглась всевозможным случайностям,

обеспечивает действительную свободу личности — свободу служить народу. «Социализм не может отыскаться от индивидуальных интересов», — говорил товарищ Сталин в беседе с Уэллом. — Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантую охраны интересов личности». Эта охрана интересов личности находит выражение в принципе социализма.

Только в условиях социализма возможен возникновение стахановского движения, только в условиях социализма труд имеет общественное значение, является делом чести и славы. Следовательно, только в условиях социализма возможно свободное развитие природных, индивидуальных взаимностей человека, природной его одаренности.

Создание народной интелигенции — результат происходящего процесса уничижения противоположностей между умственным и физическим трудом. Рабочий из простого исполнителя превращается в создателя, творца, новатора. Крестьянин из раба земли превратился в ее хозяина. Стаханов, Демченко — представители нового типа интеллигентии, интеллигентии из народа, интеллигентии, движущей вперед науку.

Представители новой, народной интелигенции в нашей стране являются представителями новой передовой науки, смело ломающей консервативные устои и привычки. Можно сказать, что уничижается противоположность между трудом умственным и физическим, что остается только различия.

Уничтожение противоположностей между трудом умственным и трудом физическим можно добиться только на базе проходящего культурного подъема рабочего класса крестьянства. И в этом зерно коммунизма, второй фазы коммунизма.

Три года прошло после речи товарища Сталина на совещании стахановцев. Зерно коммунизма, о котором говорил товарищ Сталин, растет и развивается. Дерево жизни всегда зелено, и как радостно быть современниками приближения полного коммунизма. Элементы коммунизма входят в быт, становятся повседневностью в нашей стране.

Низшая фаза коммунизма создает все экономические и культурные преподынки для перехода к высшей фазе коммунизма. Отсутствие невозможных при социалистической системе кризисов, гигантский подъем производительности труда и как следствие этого, рост социалистического изобилия в нашей стране обеспечивает нам проведение основного принципа высшей фазы коммунизма. В эпохе первой фазы коммунизма, в эпохе создания социальных преподынок для осуществления принципа второй фазы коммунизма.

Диктатура пролетариата сломала старую буржуазную государственную машину и заменила ее новой.

В подготовительных работах в книге «Государство и революция» Ленин, разрабатывая теорию дiktатуры пролетариата, поставил вопрос о коммунистической государственности. Товарищ Сталин разработал теорию о государстве социалистического общества, использовав для этого опыт социалистической революции. Государство социалистического общества создает базу для второй фазы коммунизма, направляет все отрасли хозяйства и культуры. Государство социалистического общества охраняет завоевания социализма в борьбе с врагами всех наций. Особую роль в переходе от низшей фазы коммунизма играет советское государство.

Создание социальных преподынок для осуществления принципа второй фазы коммунизма.

Взаимоуважение между народом и艺术家

«На женском собрании». Картина художника А. Дейнека (к готовящейся выставке «Индустрия социализма»).

ПРАВО НА ТВОРЧЕСТВО

В трагической биографии Берлиоза есть один особенно тяжелый момент. Больна жена композитора. Нужны деньги. Их нет. В оду из почты Берлиозу приходит в голову идея симфонии. Он хочет ее записать.

Но здесь, пожалуй, лучше предоставить слово самому Берлиозу:

«Если я... напишу всю симфонию, — говорил он в своих мемуарах, — она будет большой, я буду занят, исключительно в течение трех или четырех месяцев. Я больше не буду писать фельетонов, анализ, ничего не заработка. Затем, когда она будет закончена, я не в силах буду удержаться от того, чтобы не дать ее переписать (от 1000 до 1200 франков за страницу), затем исполнить ее. Я дам концерт, доход с которого едва покроет стоимость записи. И потеряю даже то, чего у меня нет; не будет самого необходимого для белой больной... От этих мыслей у меня мороз пробежал по коже, и я бросил перо, сказав себе: ба, завтра я забуду про симфонию».

Идея симфонии возвращалась к Берлиозу и в следующие годы, но композитор заставил себя забыть эту музыку.

Гениальный музыкант, быть может, сам того не ведая, оставил в своих мемуарах страшный, обличительный документ про творческого мира, в котором художники ради хлеба насущного вынуждены отказываться от творчества.

Много печальных страниц, говорящих о лишениях, об уничижительном покровительстве меценатов, о разделении общества, о трагедии одиночества — хранят биографии Моцарта, Бетховена, Шуберта.

Безвестность умер гениальный самородок из крепостных людей Иван Хандокин — первый русский скрипач-виртуоз и выдающийся композитор.

С горечью вспоминает в своих «Записках» Глинка о невежественном равнодушии публики к новейшему творчеству, об уничижении, которым ему приходилось способы.

Буйственная характеристика строя, общества, наконец, «рынка», на котором деньги были котироваться гениев.

Нашей советской молодежи трудно и представить себе условия творческой работы в дореволюционные времена.

Радостно наше право на труд. Перед каждым музыкантом открывается широкая дорога. Всегда полны наших театральных и концертных залов. Дело, конечно, не в статистике посещаемости, здесь мы, естественно, стоим на первом месте в мире. Дело — в той поразительно чуткой оценке коммунизма, которая является явлением в целом по росту всей советской культуры.

В Чехии состоялся общий собрание поэзии:

«Выборы в Верховный Совет
Выступление сказителей Чакрынина и
Миронова»

Современный сказитель — не только хранитель старины, он — общественная сила, проводник определенных идей.

В советской деревне народилось замечательное учреждение: изба-читальня. Мы привыкли к этому обиленному слову, но кто из нас органически входил в повседневную жизнь избы-читальни, этого ощущения было у нас еще не мало.

Один московский писатель иронически отозвался о новом творчестве народных писателей: их, мол, «у нас слишком тупые».

Писатель рассказал при этом, как некий профессор посыпал растения и затем взял у них избы-читальни, чтобы изучить их содержательность и глубину.

Сегодня состоялось общее собрание поэзии:

«Выступление сказителей Чакрынина и
Миронова»

Сказитель в наших условиях — проводник культуры. Сказитель, как правило, выходил из белорусской среды. Но много ли мы слыхали, чтобы еще выше подняться общественную роль посредников творчества?

Сказитель — это изба-читальня, это писатель, который пишет народу, чтобы он мог читать, чтобы он мог понимать, чтобы он мог любить.

Сказитель — это изба-читальня, это писатель, который пишет народу, чтобы он мог любить, чтобы он мог понимать, чтобы он мог любить.

Сказитель — это изба-читальня, это писатель, который пишет народу, чтобы он мог любить, чтобы он мог понимать, чтобы он мог любить.

Сказитель — это изба-читальня, это писатель, который пишет народу, чтобы он мог любить, чтобы он мог понимать, чтобы он мог любить.

Их техническое мастерство не абстрактно. Оно неотъемлемо от всего творческого замысла композитора. Советская музыка смело ставит новые художественные задачи. Она наполнила жизнь, современность, кровью связана с народным творчеством. Наши композиторы черпают содержание своих произведений из окружающей нас действительности. И поэтому они создают новые прекрасные произведения. Таковы последние симфонии Н. Мясковского, Д. Шостаковича, Ю. Шапорина, Л. Балакирского, «Песнь о Стalinе» А. Хачатуряна. Таковы обработки многочисленных народных песен А. Гедика, В. Нечава, А. Александрова, М. Штейнберга, В. Белого.

Только что закончилась в Москве неделя советской музыки показала, что и наши молодые композиторы — Хачатурян, Мурадели, Энке, Баданишвили, выросшие на советской почве, смело решают сложные творческие проблемы.

В «Песне о Стalinе» А. Хачатуряна ярко рассказал о радостной жизни народов, живущих под сенью Стalinинской Конституции, о горячей их любви к ее творцу.

В симфонии, посвященной памяти С. М. Кирова, композитор-комсомолец Вано Мурадели поставил перед собой очень трудную творческую задачу — показать существо музыки образа народного труда, героянику и борьбу племенного большинства.

Симфония, посвященная памяти С. М. Кирова, композитор-комсомолец Вано Мурадели поставил перед собой очень трудную творческую задачу — показать существо музыки образа народного труда, героянику и борьбу племенного большинства.

Варвары разрушат культуру фашизма. Возмущенный покинул Фашистскую Италию гениальный дирижер Артуро Тосканелли. Германия, бывшая прежде центром музыкальной культуры, опустошена. Все лучшие и талантливые изгнаны или вынуждены бежать из Германии. Была бригада облегчала районов и изгнанников с творческим великолепием. Их все больше и больше сближаются с монами избирательных участков, переживающими их радость и горечь.

Очень много помогли избирательного округа. Они расследуют заявления, проверяют правильность и своевременность выполнения решений по поставленным мной вопросам. Но, к сожалению, актив работает еще не планировано. Необходимо, чтобы на каждом заводе мне помогала депутатская группа и депутаты райсовета. Мне приходится неоднократно становиться с такими вопросами, которые могли бы быть свободно разрешены местными районными властями.

Моя депутатская работа обогащает меня как актера. Я воспринимаю настоящую жизнь, запечатлевая в памяти отдельные образы, портреты, это помогает мне правильно изображать жизнь на сцене. Я считаю, что живу в наше замечательное время, что мы, актеры, пользуясь таким высоким доверием, можем стать любими народом.

С тех пор культурное однчество фашистской Германии принял чудовищные формы. Обретенный чистотой и свежестью, он несет в себе опасность, которую ему приходится неоднократно сталкиваться с такими вопросами, которые могли бы быть свободно разрешены местными районными властями.

Сейчас я организую специальную бригаду из изгнанников из Германии, покинувших ее из-за фашизма. Была бригада облегчала районов и изгнанников с творческим великолепием. Их все больше и больше сближаются с монами избирательных участков, переживающими их радость и горечь.

</div

«ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК»

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Вера Инбер читала эту свою поэму в клубе писателей. Маленький стол... Настольная лампа под большим абажуром. Чистый, негромкий голос поэтессы, исто- выговаривающий каждую строку, каждое слово. Стихи листы плавно, спокойно, сосре- доточенно. Многим из слушателей поэма очень понравилась своей поэтичностью.

Но в противовес этой спокойной окру- ленности и глахой отдаленности стихи у меня вырастали ясное чувство какой-то внутренней неудовлетворенности. Да, стихи поэмы очень хороши, отделаны, чист в музы- кальном. Но что же стоит за этой чистотой, за этим плавным пятисточным языком, за этой строгой стrophicей?

Обратимся к содержанию поэм. Это — в полном и даже не литературном, а скорее бытовом смысле слова — путевой дневника. Он начинается с приезда в Кутаин в ян-варе 1938 года. Описывается москвичи, привыкшие сюда в «гигантобережных шубах», воздух «дивной синевы», золотые кукурузные почки в окнах домов, городской сад, в котором сидят выпавленные вузовцы и вузовка и читают на писке «каза- ратный корень, сердце и стrelu», гимназия, в которой учились Маяковский, историче- ский плятат на плечах, самолет, летящий в Сванетию, чай-ти лимонный сал.

Обилие красочных деталей... Поэт как бы подавляет количеством впечатлений и не знает, на чем остановиться. Такой прием законен и даже вполне уместен, если честно, что речь идет о незнакомом городе, где первые впечатления, естественно, могут быть хаотичны, разбросаны.

Временами кажется, — вот проходит ка- кое-то первое впечатление взъерошенно- сти, и поэт овладевает собой, своей мыслью, придает своему произнесению стройность и последовательность... Но нет, впечатления перебываются различными размышлениями, то и дело капризно уводящими читателя в сторону. Осмотр храма царя Баграта вызы- вает поток исторических воспоминаний о поэте Андрее Боголюбском, о временах Руставели. Отсюда — легкий переход к личности великого грузинского поэта, размышления о его портрете, небольшая стихо-творческая пикировка с литератором-ведами и... снова зрачные образы?

Познакомка в Гелати. По пути — восхищение пейзажем, размыщение об особенностях шоферов, описание цветущей мимозы. От мимозы мысль легко перебрасывается в Москву. Очередь у книжного магазина за сочинениями Спилблюга и тут же продажа мимозы. Шофер начинает петь песню «Су-лико». Тотчас идет размыщение о песне вообще, о связи национальных искусств и культуры, рассказана, как Джамбул поет о Пушкине и Шевченко. Дальше память под-сказывает поэтессе старинную легенду о калиде, который хотел заставить замол-чать певца. Наконец машина прибывает в Гелати. Осмотр монастыря. Описание ста-ринных эмалей. Исторический экскурс на тему о том, как их увозили за границу мешевики, бежавшие от революции.

Осмотр монастыря закончен. Следует описанье старинной кашани, древних монашес-ких привычек и обычаях. Затем рассказ о горах-контрабандистах в царской Рос-сии, о добром лесничем, отце Маяковского. Всё за них — рассуждение о нашем време-нени:

Стиховать одну — от а до зет —
Природу, как Виргилий, как Гораций...
Но разве тучи словок и газет,
Но разве жар и трепет наших рапий,
Но разве гроз военных телеграмм
Оставляют нам спокойствие хоть грамм?

По такому принципу построена вся по-эма. Впечатления, наброски, размыщения, случайные воспоминания, исторические и литературные реминисценции следуют одно за другим, значительное и интересное че-редуется с второстепенным и малопримечательным... Стихи покрежему льются гладко и плавно, встречаются немало удивительных метафор (например, сравнение хвойной с кале-делябрами или новогодней елки с кораблем, украшенными пестрыми флагами), калам-бров («чувствия цельные, витые

и туго развязываться поэтов. Но их без-душному крикливому пафосу она противопоставила не глубокую лиричность, не внутреннюю одухотворенность, а в сущ-ности, столь же бесстрастное, хотя и ли-шенное угловатости, стихотворное письмо.

В поэме Инбер нет сюжета. Это не недостаток. Но отсутствие сюжета, который в конце концов является в поэзии лишь средством «суполнения» внима-ния и сочувствия читателя, могло и должно было быть заменено идеальным бо-гатством, внутренней содержательностью произведения. В поэме Байрон, с которого Фадеев сравнивал жанр поэм Ин-бер, сюжета тоже нет, но она одухотворена величествами свободительными идеями. Им подчинено движение каждой строки, каждой строчки «Странствующего Чайльда Гарольда». Я вовсе не хочу сопоставлять та-ланты Байрона и Бориса Инбера. Но в «Путевом дневнике» дарование часто уп-треблено лишь на отдельную стиху, на мета-форы, на искусные интонационные ходы, на строфу, — на все важные и сущес-твенные поэмы, но все же не главные ком-поненты поэм.

Конечно, было бы очень легко нани-зать все описываемое Верой Инбер на ка-кую-нибудь стихийную строку. Конечно, очень легко было бы привести через всю поэму какую-нибудь несложную мысль, настое-занятую из газеты или журнала, — и это пе-реводилось бы в отдельную стиху, на мета-форы, на искусные интонационные ходы, на строфу, — на все важные и сущес-твенные поэмы.

Факты, мысли, зарисовки, впечатления и размышления Веры Инбер в ее «Путевом дневнике» поистине случайны, неизбывательны, имеют свойственный поэту характер. Они легко заменимы. Они существуют какое время, различно и неизвестно, понятно по-новому, многое жалко, многое еще впереди, многое хочется сделать.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Из накопленного — раздумье поэта, раз-думье о собственной поэтической работе. Многое еще надо достичь, но есть уже известная поэтическая сила, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэзия сформировалась, закалась, от долгой гим-настии приобрела поэтическую мускулатуру, сейчас можно сделать уже что-то са-мое серьезное в жизни.

Соединение этих трех моментов — это конкретности и прозрачности стиха, этого зеркального разгула, напоминающего жизнь и известные поэтические сказы, поэз

Маяковский начинается

Глава X

ХЛЕБНИКОВ

«Он говорит: Я бедный вон и одинок...»

В. Хлебников.

Он был высок, правдив и спокоен, как свежий, погожий сентябрьский день. Он был, действительно, бедный вон — со всем, что рождало бездумные и лень. Глаза его — осени светлой озера бесед с лесном волнистиной, без слов холода пошлия и фразы суровой прозрачности ледяной. А рот — на шиповнике спелая ягода была так неподкупна упорен и мал, что — какому звуку верилось загляд, какой бы оншелест' ни поднимал.

И лоб его, точно туманы повитый, внезапно светел, как бы от луны, и сердце тянулось к нему, по виду его из тысячи отличия. Он тек через пальцы невыгод и бедствий, затоптаный в пыль сапогами дельцов. «Так на холсте каких-то соответствий вне прояжения жило лицо».

Он жил — не яща ни удобства, ни денег; жевал всхомякту, писал на мостах, граненого слова великим затейником; в житейских расчетах профан и простак.

Таким же, должно быть, был и Сади, Овидий, Гифиз и Омар-Хайям, — как дымные облаки на закате — пронизаны золотом по краям.

Понять его мелленой мыслью не траться; сердечный прыжок до него разгони..

Он спал на стихах набитом матрасе, сухою листвою ломались они. Он складывал их в узелок и — на поезд!

Внезапный входил, сапоги проплыли; и люди добреди, и кланялись в поиску ему Українские тополя.

Он прощумел, как народа сказанье, полуизризан и полуодет, — этот, пришедший к нам из Казани, аудиторий зеленых студент.

И словно листья, пока из бури не оголят, встретились — чокнулись эти двое, сила о силу, талант о талант. Как два посла больших держав они сходились церемонно: что горят в себе сдерхав? какие из другим знамена?

Посол садов, озер, полей, не слишком ли дремотно знамя?

А ты?

Неужто веселей твой город с мертвими камнями?

— Но в городе люди живут, а не вещи!

Что толку описывать клов лебедей?

— Но лебеди плашут,

а рощи трепещут...

Не вещи ли делают разум людей?

Завод огромен и высок. Но он — кляймом оттиснут в душах; не меньше ли морской песок,

Г. БОЯДЖИЕВ

ЩЕПКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ

«ГОРЫ ОТ УМА»
В МАЛОМ ТЕАТРЕ

В торжественный день 150-летней годовщины со дня рождения основоположника русского реалистического театрального искусства М. С. Щепкина со сцены Большого театра вновь зазвучали бессмертные стихи грибоедовской комедии. Не ослаб их юношеский пафос, не поблекло их изврительное остроумие, попрежнему привлекают юношескими гармониями.

Великий щепкинский залет — ясность и правдоподобие чувствования — воплотился в спектакле старейшего русского театра.

Раньше всего мы называем М. Царева, с большим чувством и предельной искренностью играющего роли Чапки. Чапки Царева — целикая натура. Он кипит благородным негодованием, когда стакиваются с окружющей его мерзостью, с «уродами с того света». Гнев против них рождается в душе Чапки — Царева главным образом потому, что сердце его измучено безответной любовью.

Чапки Царева хочет лишь одного — любви Софии, его несчастье глубоко, но оно имеет слишком уж личный характер. Его пламенные вольнодумные речи звучат энергично и пафосно. Но все же в них чувствуется только открытое возмущение и совсем нет грибоедовского сарказма и грусти.

Чапки — Царев ополчается против светского общества, только теряя надежду на любовь. Поэтому первый обличительный монолог актер проводит на совершенно нежном для Грибоедова подтексте: София

так горы синцевых подушек?
— Не тверже ли сухой смешок, дающий пищу жерам пушек?
— Да, миром владеет бездунный Кацей...
Давайте устронь восстание вещей! Ведь: слово весть и слово — весть близки и родственны корнями, — они одни — в вехах — есть людского племени орнамент!

Смотрите же, не забудьте обещанья: отныне — об одних больших вещах венчанье.

Такой разговор может в жизни и не был; лишь взгляды обмен да сердца перебои, но — старую землю под новое небо они поклялись перекрыть над собой.

Маяковский любил Велемира, как правду, ни перед кем не складывающуюся пополам.

Он ему доверял, словно старшему брату, уводившему за руку в даль по полям.

Он вспоминал о нем, беспокойся, когда Хлебников пропадал по годам:

ГДЕ ЖЕ ВИТИЯ?

НЕ ПРОПАЛ БЫ ПОД ПОЕЗДОМ!

ОБОРВАЛСЯ, НАВЕРНОЕ, ОГОЛОДАЛ!

А Хлебников шел по России

неизвестный, костюм себе выкроив

из мешков, сам

поезд

с точеными рифмами-грузами

по стрелкам сочувствий.

толиков и смешков.

Он до пустыни Ирана

донашивал

чистый и радостный

звукности груз,

и люди, не знающие говора нашего, его величали «Дервиши-Урус».

Оншелест, как будто земли не касаясь, не думая, в чем приготовить обед, ни стужи, ни голода не опасаясь, сквозь чашу людских неурядиц и бед.

Бывало, его облекут, как младенца, в добрую шубу, в калоши, и вот, недели пройдет и — куда это денется: он — Достоевского «Идиот»!

Устроит на место, на службу паковую; ну, кажется, есть и доход и почет.

И вдруг замечашь фигуру знакомую, идет, и капель ему щеки сечет.

Идет и теребит от пуговиц ниточки; и взгляды не встречаешь мудрей и ясней..

Возьмешь, остановишь:

«Куда же вы, Витечка?»

— Туда (отмакнется)

— Навстречу весне!

Попробуйте, вот, приручите, притопайте, поставьте на место бродячу тень:

он чул в своем безошибочном опыте ту свежесть, что в ноздри вбирает олень.

Он ненавидел фальшив и ложь искусственных чувств оболочки, ему бывало — вьны да положь на стол хрустальную строчку.

Он был Маяковского лучший учитель и школьную дверь запахну навсегда...

А вы — в эту дверь напирайте, стучите, чтоб — не потерять дорогого следа!

На экранах столицы еще показывают «Детство Горького». Кинематографическое искусство встретилось в этой картине с необычайно сложным, драгоценным материалом горьковских образов, горьковского языка. «Детство» — не только художественный памфлет, но и сама правда жизни, инсценировать эту книгу было чрезвычайно трудно. всякая «вольность» должна была вызвать возмущение зрителей, любая «переделочная» инициатива должна была показаться попыткой «улучшить» Горького, а значит и изогнать его. Так и случилось. Одни только раз постановщики «Детства» изменили горьковской жизненной правде, захотели «дождаться» образ, нарисованный Горьким: превратили соседа «Хорошего человека» в революционера, надели на него кандалы каторжника и получили, в награждении, очень слабое место в фильме. «Хорошее дело» в фильме, как и сама жизнь и формирования Алеши Пешкова.

Сейчас, когда и в повести Горького, и фильме, как и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий плачет, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Второй, всего лишь через пять месяцев после выпуска первой части горьковской трилогии, режиссер Марк Донской захватывает съемки фильма «В людях». Я был в павильоне, когда снимались два эпизода картины и видел на экране значительную часть готовой пленки. Это — как бы разрозненные главы прекрасной, но не оконченной книги. Нельзя сказать, каковы будут картины, но можно уже заключить, как талантлив ее автор и как велики приемы его мастерства.

Фильм начинается медленной и туманной панорамой города. Какая-то река. Расвет. Первый дым из труб. Косо — на кругом берегу стоит дома. Знакомая и грустная мелодия: «Город на Каме... где, не знаем сами». И — резко, громко! — разыгрывают этот мечтательный покой людские голоса: сварливая брань, злая, похожая на проклятие молитвы, жалобы, истощенная зевота. Алеши Пешкова тащат в хозяйственную квартиру вязанку дров. Он в людях...

Совершенно поразительно, как сочеталась в книгах Горького бесподобная откровенность в описаниях «буднично-ужасного» («спеши скрывать грязную правду») с неутомимым и радостным любованием красотой физической и духовной, красотой людей и природы. Фильм, я думаю, не был бы горьковским, если бы это сочетание не удалось в нем повторить. Прекрасные картины леса, по которому бродят Алеши с бабушкой и делом в поисках волевника, грибов и певчих птиц. Забыты нищада, трудная жизнь. Густой лес принял в свой обятия мирных людей. Всюк посмотрел на них и ушел своей дорогой. Мальчик сочинил две строчки чего-то «похожего на стихи»:

— Всё ближе зима, всё заметнее,
Прощай, моя солнышко летнее!

И бабушка из неизвестной памяти своей извлекла грустную девичью песню, она говорит нараспев:

— Ой, уходит солнце летнее
В темные ночи, за далекие леса!
Эх, осталася я, девушка,

Без весенней моей радости, одна...
— Вот, как горе поет! — говорит бабушка. — Чего сам не испытала про то хорошо-верно не скажешь а она, видишь, как хорошо составила песню!..

Мрачно красива Волга, когда в ночной час на корне парохода сидит Алеши с новым другом — добрым и суровым Смурыгом. В темноте, ехав разлитым, проносят крутые берега величественной реки, с которых то и дело доносится песня каких-то людей, неведомо чем в для чего живущих. И неотвратимо перед глазами — черный силует таинственной изба-башни, где людьи, закованные в железо, сторожат штихи часовых.

С фильмом, как и в повести Горького, и фильмом, как и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий плачет, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Было начало 1905 года, пвели звонки, новая весна благословляла над страной. Перчик давал Голль книжки, и девушка почувствовала, что рожденна для письма. Голль плакал, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Сейчас, когда и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий плачет, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Было начало 1905 года, пвели звонки, новая весна благословляла над страной. Перчик давал Голль книжки, и девушка почувствовала, что рожденна для письма. Голль плакал, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Сейчас, когда и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий плачет, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Сейчас, когда и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий плачет, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Сейчас, когда и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий плачет, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Сейчас, когда и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий плачет, когда казнит верного Остапа. Жизнь мрачна, омерзительна, а книги вспыхивают веру в людей, чут не стыдиться быть сильным, в книгах жизнь красива... Пушкин, Лермонтов, Гоголь участвуют в фильме, как они участвовали в жизни и формировании Алеши Пешкова.

Сейчас, когда и в первом акте, есть спасающая роль — значительная и прекрасная — играют книги. Замечательно снят эпизод чтения «Гараса Бульбы». Грузинский, усыпанный, искушенный жизнью повар Смурыгий п

Литературный календарь

1803 г.
Ф. И. Тютчев

135 лет назад, 5 декабря 1803 г. родился Федор Иванович Тютчев, один из величайших русских лириков. Он начал писать стихи еще в детстве. Стихотворение «Вельможа», одно из его первых поэтических опытов — подражание Горация — было в 1818 г. прочитано на заседании Общества любителей российской словесности, и 14-летний поэт был избран в число членов-сотрудников общества.

Театр Красной Армии, — говорит А. Д. Попов, — обозначен спектакли говорить не только о Красной Армии, но и для нее. Поэтому огромная познавательная ценность творчества Шекспира не может пройти мимо нашего театра. Многие склоняются в пьесе «Укрощение строптивой» только феодальную домостроевщину, идеальные концепции пьесы сводятся ими к грубой морали — «жене да убейте своего мужа».

В действительности же Шекспир в «Укрощении строптивой» значительно сложнее и глубже. Гениальный драматург раскрывает в пьесе борьбу, турнир воли и характеров. По старой театральной традиции, Катарина в течение всего спектакля проявляет сильный, независимый характер, твердую волю. Она все оснащает. Но... только до 12-й картины. А в 12-й картине происходит неожиданный перелом. На сцену выходят Петрушчи и Катарина. Он приказывает ей: брось эту шапочку, скажи им, как нужно вести себя жене, скажи, что для тебя значит

■ ■ ■

ДЕКАДНИКИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Так в десятые дни собирались они...
По десятам, двадцатым и тридцатым числам каждого месяца в московском клубе писателей устраивались творческие собрания писателей, пишущих для детей. О первом декаднике в «Литературной газете» уже писалось. Второй декадник состоялся 25-летие со дня смерти прошло почти незамеченным. Окончательно вернули из забвения поэзию Тютчева лишь символисты. Полное собрание сочинений Тютчева, выпущенное в издательстве А. Ф. Маркса в 1912 г. и в следующем году данное как приложение к журналу «Нива», популяризировало его поэзию. Комментированное и критически проверенное издание полного собрания стихов Тютчева впервые вышло только в наши дни, в 1933 г. в изд. «Академия», под редакцией Г. И. Чулкова.

Я. Тайя прочитал рассказы из деревенского быта еврейской детворы. Они написаны тепло и лирически, с мягким, ласковым юмором, присущим этому писателю. Выступавшие на декаднике писатели отметили, однако, что тематическая и сюжетно рассказы эти не дают ощущения заключенного самостоятельного художественного произведения. Это скорее интересные заготовки, эскизы или отдельные главы какой-то еще незаконченной книги. Автор в основном согласился с этими замечаниями, признавая, что он задумал свои рассказы, как составные части единого цикла — книги. Остроумный замысел рассказа Я. Тайи «Мой первый букет» понравился всем собравшимся, но многие из выступавших отметили перегруженность его повторяющимися деталями.

И. Рахтанов читал очерк «Братя-скороходы» (о братьях Знаменских). Очерк этот входит в только что законченную и принятую Детиздатом книгу Рахтанова «Чемпионы» (Книга для болельщиков). Очерк Рахтанова получил одобрительную оценку всех выступавших. Писатели говорили об удаче автора, сумевшего ярко, темпераментно, с хорошей выдумкой в то же время отчетливо рассказать на ребятам о выдающихся мастерах советского спорта. Ряд выступавших товарищей указал писателю на то, что биографическая часть прослушанного очерка написана более тускло, чем раздел, говорящий непосредственно о самом спорте. Но все сошлись в основном — художественной спортивной литературе у нас почти нет, ребятам наставим она нужна, и ведущую работу Рахтанова в этой обла-

Л. К.

творчество поэта-революционера Н. П. Огарева.

Он принадлежал к знаменитому поколению дворянских революционеров, разбросанных в деятельности громом пушек на Сенатской площади. Вместе с Герценом прошел он весь свой жизненный путь, путь борьбы за дело народного освобождения от лютой неволи.

Еще юноши Огарев, вместе с Герценом, дал в Москве на Боровых горах клятву борьбы с самодержанием, угнетением и деспотизмом. Арест и высылка на родину, поиски передового мировоззрения, увлечение утилитарно-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуана, попытка освободиться от крепостного рабства своих крестьян, наследником которых он стал после смерти отца, увлечение философии, переход от фатализма к материалистической философии Л. Фейербаха, блестящая школа мысли, возглавляемая в сороковых годах Белинским и Герценом, наконец, с серединой пятидесятых годов активное участие во всех начинаниях вольной русской типографии — могли ли эти черты политической биографии Огарева не сказаться в его поэзии?

Он был поэтом-революционером. Недаром его стихами открывался первый же номер «Болокола», который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян».

Огарев близко подошел к прогрессивным идеям русской революционной демократии, вместе с Герценом развел широкую и страстную революционнуюagitацию против нацизма и крепостного бесправия. Он верил в силы народа, горячо любил свой народ и свою родину. Но вслед за Герценом он пропагандировал народнический идеал отсталой сельской общины; и у него были известные отступления от демократизма к либерализму. Однако, как в Герцене, а кое в чем быть может и в Якунине даже, чем в Герцене, «демократ» все же брал в нем верх». Огарев был автором статьи в «Болоколе» «Надгробное слово», о которой Левин писал, как об одном из примеров боевого демократизма «Болокола».

Огарев призывал художников внести в искусство «общественные страдания и все элементы живой общественной жизни». Именно эти якунинские слова больше всего определяют его поэзию.

«Большой мир мечты» и «святая даль

■ ■ ■

творчество поэта-революционера Н. П. Огарева.

Он принадлежал к знаменитому поколению дворянских революционеров, разбросанных в деятельности громом пушек на Сенатской площади. Вместе с Герценом прошел он весь свой жизненный путь, путь борьбы за дело народного освобождения от лютой неволи.

Еще юноши Огарев, вместе с Герценом, дал в Москве на Боровых горах клятву борьбы с самодержанием, угнетением и деспотизмом. Арест и высылка на родину, поиски передового мировоззрения, увлечение утилитарно-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуана, попытка освободиться от крепостного рабства своих крестьян, наследником которых он стал после смерти отца, увлечение философии, переход от фатализма к материалистической философии Л. Фейербаха, блестящая школа мысли, возглавляемая в сороковых годах Белинским и Герценом, наконец, с серединой пятидесятых годов активное участие во всех начинаниях вольной русской типографии — могли ли эти черты политической биографии Огарева не сказаться в его поэзии?

Он был поэтом-революционером. Недаром его стихами открывался первый же номер «Болокола», который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян».

Огарев близко подошел к прогрессивным идеям русской революционной демократии, вместе с Герценом развел широкую и страстную революционную agitation против нацизма и крепостного бесправия. Он верил в силы народа, горячо любил свой народ и свою родину. Но вслед за Герценом он пропагандировал народнический идеал отсталой сельской общины; и у него были известные отступления от демократизма к либерализму. Однако, как в Герцене, а кое в чем быть может и в Якунине даже, чем в Герцене, «демократ» все же брал в нем верх». Огарев был автором статьи в «Болоколе» «Надгробное слово», о которой Левин писал, как об одном из примеров боевого демократизма «Болокола».

Огарев призывал художников внести в

искусство «общественные страдания и все

элементы живой общественной жизни».

Именно эти якунинские слова больше всего определяют его поэзию.

«Большой мир мечты» и «святая даль

■ ■ ■

творчество поэта-революционера Н. П. Огарева.

Он принадлежал к знаменитому поколению дворянских революционеров, разбросанных в деятельности громом пушек на Сенатской площади. Вместе с Герценом прошел он весь свой жизненный путь, путь борьбы за дело народного освобождения от лютой неволи.

Еще юноши Огарев, вместе с Герценом, дал в Москве на Боровых горах клятву борьбы с самодержанием, угнетением и деспотизмом. Арест и высылка на родину, поиски передового мировоззрения, увлечение утилитарно-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуана, попытка освободиться от крепостного рабства своих крестьян, наследником которых он стал после смерти отца, увлечение философии, переход от фатализма к материалистической философии Л. Фейербаха, блестящая школа мысли, возглавляемая в сороковых годах Белинским и Герценом, наконец, с серединой пятидесятых годов активное участие во всех начинаниях вольной русской типографии — могли ли эти черты политической биографии Огарева не сказаться в его поэзии?

Он был поэтом-революционером. Недаром его стихами открывался первый же номер «Болокола», который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян».

Огарев близко подошел к прогрессивным идеям русской революционной демократии, вместе с Герценом развел широкую и страстную революционную agitation против нацизма и крепостного бесправия. Он верил в силы народа, горячо любил свой народ и свою родину. Но вслед за Герценом он пропагандировал народнический идеал отсталой сельской общины; и у него были известные отступления от демократизма к либерализму. Однако, как в Герцене, а кое в чем быть может и в Якунине даже, чем в Герцене, «демократ» все же брал в нем верх». Огарев был автором статьи в «Болоколе» «Надгробное слово», о которой Левин писал, как об одном из примеров боевого демократизма «Болокола».

Огарев призывал художников внести в

искусство «общественные страдания и все

элементы живой общественной жизни».

Именно эти якунинские слова больше всего определяют его поэзию.

«Большой мир мечты» и «святая даль

■ ■ ■

творчество поэта-революционера Н. П. Огарева.

Он принадлежал к знаменитому поколению дворянских революционеров, разбросанных в деятельности громом пушек на Сенатской площади. Вместе с Герценом прошел он весь свой жизненный путь, путь борьбы за дело народного освобождения от лютой неволи.

Еще юноши Огарев, вместе с Герценом, дал в Москве на Боровых горах клятву борьбы с самодержанием, угнетением и деспотизмом. Арест и высылка на родину, поиски передового мировоззрения, увлечение утилитарно-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуана, попытка освободиться от крепостного рабства своих крестьян, наследником которых он стал после смерти отца, увлечение философии, переход от фатализма к материалистической философии Л. Фейербаха, блестящая школа мысли, возглавляемая в сороковых годах Белинским и Герценом, наконец, с серединой пятидесятых годов активное участие во всех начинаниях вольной русской типографии — могли ли эти черты политической биографии Огарева не сказаться в его поэзии?

Он был поэтом-революционером. Недаром его стихами открывался первый же номер «Болокола», который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян».

Огарев близко подошел к прогрессивным идеям русской революционной демократии, вместе с Герценом развел широкую и страстную революционную agitation против нацизма и крепостного бесправия. Он верил в силы народа, горячо любил свой народ и свою родину. Но вслед за Герценом он пропагандировал народнический идеал отсталой сельской общины; и у него были известные отступления от демократизма к либерализму. Однако, как в Герцене, а кое в чем быть может и в Якунине даже, чем в Герцене, «демократ» все же брал в нем верх». Огарев был автором статьи в «Болоколе» «Надгробное слово», о которой Левин писал, как об одном из примеров боевого демократизма «Болокола».

Огарев призывал художников внести в

искусство «общественные страдания и все

элементы живой общественной жизни».

Именно эти якунинские слова больше всего определяют его поэзию.

«Большой мир мечты» и «святая даль

■ ■ ■

творчество поэта-революционера Н. П. Огарева.

Он принадлежал к знаменитому поколению дворянских революционеров, разбросанных в деятельности громом пушек на Сенатской площади. Вместе с Герценом прошел он весь свой жизненный путь, путь борьбы за дело народного освобождения от лютой неволи.

Еще юноши Огарев, вместе с Герценом, дал в Москве на Боровых горах клятву борьбы с самодержанием, угнетением и деспотизмом. Арест и высылка на родину, поиски передового мировоззрения, увлечение утилитарно-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуана, попытка освободиться от крепостного рабства своих крестьян, наследником которых он стал после смерти отца, увлечение философии, переход от фатализма к материалистической философии Л. Фейербаха, блестящая школа мысли, возглавляемая в сороковых годах Белинским и Герценом, наконец, с серединой пятидесятых годов активное участие во всех начинаниях вольной русской типографии — могли ли эти черты политической биографии Огарева не сказаться в его поэзии?

Он был поэтом-революционером. Недаром его стихами открывался первый же номер «Болокола», который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян».

Огарев близко подошел к прогрессивным идеям русской революционной демократии, вместе с Герценом развел широкую и страстную революционную agitation против нацизма и крепостного бесправия. Он верил в силы народа, горячо любил свой народ и свою родину. Но вслед за Герценом он пропагандировал народнический идеал отсталой сельской общины; и у него были известные отступления от демократизма к либерализму. Однако, как в Герцене, а кое в чем быть может и в Якунине даже, чем в Герцене, «демократ» все же брал в нем верх». Огарев был автором статьи в «Болоколе» «Надгробное слово», о которой Левин писал, как об одном из примеров боевого демократизма «Болокола».

Огарев призывал художников внести в

искусство «общественные страдания и все

элементы живой общественной жизни».

Именно эти якунинские слова больше всего определяют его поэзию.

«Большой мир мечты» и «святая даль

■ ■ ■

творчество поэта-революционера Н. П. Огарева.

Он принадлежал к знаменитому поколению дворянских революционеров, разбросанных в деятельности громом пушек на Сенатской площади. Вместе с Герценом прошел он весь свой жизненный путь, путь борьбы за дело народного освобождения от лютой неволи.

Еще юноши Огарев, вместе с Герценом, дал в Москве на Боровых горах клятву борьбы с самодержанием, угнетением и деспотизмом. Арест и высылка на родину, поиски передового мировоззрения, увлечение утилитарно-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуана, попытка освободиться от крепостного рабства своих крестьян, наследником которых он стал после смерти отца, увлечение философии, переход от фатализма к материалистической философии Л. Фейербаха, блестящая школа мысли, возглавляемая в сороковых годах Белинским и Герценом, наконец, с серединой пятидесятых годов активное участие во всех начинаниях вольной русской типографии — могли ли эти черты политической биографии Огарева не сказаться в его поэзии?

Он был поэтом-революционером. Недаром его стихами открывался первый же номер «Болокола», который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян».

Огарев близко подошел к прогрессивным идеям русской революционной демократии,